

Война без потерь

А. П. В. Роджерс*

Вне всякого сомнения, политики и военные, планировавшие воздушную операцию НАТО во время конфликта в Косово в 1999 г., были убеждены, что она должна проводиться в строгом соответствии с правом вооруженного конфликта.

«Цели были исключительно военными — все усилия прилагались для того, чтобы избежать нанесения побочного ущерба — пилоты стреляли по целям только в том случае, когда мы были уверены, что можем нанести точные удары; во время первой операции некоторые самолеты вернулись на базу, не сбросив бомбы. Цели тщательно выбираются и непрерывно анализируются для того, чтобы избежать нанесения побочного ущерба»¹.

«Как я, так и другие, всю эту неделю не устаем повторять, что наша задача — поразить цель, не нанося побочного ущерба окружающим территориям. Вы видели последствия сброшенных нами бомб и запущенных нами ракет. Нам нужно, чтобы они попали в цель, поэтому тот, кто находится в кабине, должен ясно видеть цель на земле; он должен видеть ее наверняка; если же это невозможно, то у него хватает профессионализма, чтобы не бомбить эту цель»².

«Правила применения силы и озабоченность тем, чтобы не нанести побочного ущерба, внушенные нам нашим политическим руководством, очень жесткие, и это правильно. Наши летчики настолько дисциплиниро-

* **А. П. В. Роджерс** — член совета Центра Лаутерпахта по исследованиям в области международного права, Кембриджский университет, и бывший директор юридической службы вооруженных сил Великобритании. (Сведения об авторе указаны на момент представления рукописи в редакцию Журнала. — *Прим. ред.*)

Статья написана на английском языке.

1 Выступление Джейми Ши на брифинге НАТО для журналистов 26 марта 1999 г., см. в Интернете на сайте www.nato.int.

2 Выступление командира авиации Дей вида Уилби на брифинге НАТО для журналистов 1 апреля 1999 г.

ванны, что они не сбросят боеприпасы до тех пор, пока точно не установят заданную им цель и не будут досконально знать, что они делают»³.

Подобные соображения полностью разделили бы специалисты в области права вооруженного конфликта.

Несмотря на проблемы, связанные с облачностью, были приняты меры предосторожности, с тем чтобы поражать только военные объекты. Разумеется, в отдельных случаях побочного ущерба избежать не удалось⁴. Но в целом все шло неплохо, пока с самолета НАТО с высоты около 5 тысяч метров не было совершено нападение на колонну машин, и в связи с этим возник серьезный вопрос касательно права вооруженного конфликта: каковы конкретные правовые обязательства нападающего в отношении определения цели как военного объекта до того, как он начинает нападение?

История вопроса

До развития авиации в нашем веке армия или флот враждующих государств вели войну в виде серии коротких, но кровопролитных сражений. Хотя мирное население и страдало при передвижении войск и эвакуации, при расквартировании боевых частей и от реквизиций, военные действия как таковые редко его затрагивали, если только речь не шла о жителях осажденного города⁵. Во время позиционной войны в окопах, коей являлась Первая мировая война, гражданское население обычно эвакуировали с линии фронта и из зоны досягаемости артиллерийского огня.

Авиация позволила воюющим наносить удары далеко за линией фронта, по линиям связи и тыла, обеспечивающим снабжение войск. Отрезая противника от подкрепления, топлива, продовольствия и боеприпасов, можно было существенно сократить его боеспособность. Это, однако, означало возможность нанесения ударов по местностям, где могли проживать гражданские лица, что повышало риск потерь среди граждан-

3 *Air Chief Marshal Sir Richard Johns. Air Power in a New Era. — Royal Society of Arts Journal, 3–4 of 1999, p. 99.*

4 Например, когда бомба упала в 600 метрах от цели в Алексинаце. Произошел также инцидент 12 апреля, когда ракетами был обстрелян железнодорожный мост близ Лесковаца в тот самый момент, когда по нему шел поезд из Белграда в Фессалоники.

5 В самом деле, в преамбуле к Санкт-Петербургской декларации 1868 г. утверждается, что «единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля, [и] что для достижения этой цели достаточно выводить из строя наибольшее по возможности число людей».

ского населения. В Первую мировую войну потери среди военнослужащих были все еще чрезвычайно высоки, поскольку танки только что появились и лишь благодаря большой численности личного состава, позволявшей нести такие потери, можно было победить, устояв против града неприятельской шрапнели и пулеметного огня; потери же среди гражданского населения были относительно небольшими⁶. Такое положение дел впоследствии изменилось. Старшие военные командиры, разумеется, тяжело переживали гибель, ранения и болезни своих подчиненных, но боевой долг, требовавший поразить противника любой ценой, похоже, брал верх. Младшие командиры, которым предстояло дослужиться до высоких чинов в следующую войну, были твердо намерены добиться сокращения потерь среди военнослужащих в будущем.

Назревали и другие изменения. Во Второй мировой войне действовали большие и в то же время мобильные армии, которые комплектовались по призыву и были более механизированными. Чтобы обеспечить высокие потребности этих армий, нужно было использовать труд гражданских лиц на предприятиях по производству оружия, военных судов и самолетов, их вооружения и комплектующих, а также на установках по производству топлива для транспортных средств и сырья (например, стали) для кораблестроения. Объектом нападения становятся теперь не столько комбатанты противника, сколько оснащение и припасы, от которых они зависели, что сильно сказалось на гражданском населении противной стороны. Хотя право вооруженного конфликта по-прежнему защищало гражданских лиц от прямого нападения, они не были застрахованы от непредвиденного побочного ущерба вследствие нападений на предприятия, занятые в военном производстве. Бомбовые удары по-прежнему были далеко не точными.

Во время партизанской войны, когда бойцы смешиваются с гражданским населением, потери в его рядах возрастают. Печальные последствия гражданских войн проявились во многих конфликтах, имевших место после 1945 г. Партизаны предпочитают наносить удар по слабо укрепленным позициям противника, скрываясь среди гражданского населения, часто весьма успешно используя такую тактику, как засады. Испытывая трудности с определением местонахождения партизан и их

⁶ Из 8 900 000 военнослужащих, мобилизованных в действующие войска Британской империи, 908 371 погибли во время боевых действий, а 2 090 212 были ранены. См. таблицу в *British Army Review*, August, 1996, p. 79.

пособников и борьбой против них, их противник — регулярная армия — стремится реагировать с помощью чересчур жестких ответных мер или чересчур мощного оружия, в обоих случаях в ущерб гражданскому населению. Ситуация обостряется, когда партизаны, повстанцы, борцы за свободу или другие вооруженные группировки участвуют в боевых действиях в городах и других заселенных местностях. Регулярные войска не могут оптимальным образом дислоцировать свою бронетехнику, а их противники, под прикрытием гражданских построек, способны очень эффективно размещать легкое оружие и закладывать противотанковые гранаты на небольшом расстоянии. Такие боевые действия влекут за собой тяжелые потери не только среди личного состава войск, принимающих в них участие, но и среди мирных жителей, оказавшихся в зоне боевых действий. В подобной ситуации предложение России по организации коридоров, обеспечивающих безопасный выход гражданского населения из зоны боевых действий в Грозном, соответствует принципам права вооруженного конфликта. Разумеется, подобные коридоры должны быть действительно безопасны и, желательно, находиться под наблюдением таких организаций, как МККК и ОБСЕ.

Вполне понятное нежелание нынешних командиров подвергать ненужному риску своих подчиненных оборачивается возрастанием опасности для гражданского населения. Такое отношение характерно не только для Запада. После того как российская армия понесла потери при попытках захватить чеченскую столицу в январе 1995 г., она попробовала изменить тактику во время кампании 1999 г. Есть сведения, что министр обороны России маршал Игорь Сергеев говорил, что Россия делает ставку на массированное применение огневой мощи, позволяющее снизить ее потери, и на использование артиллерии и авиации с целью «уничтожения чеченских банд и их лагерей». Согласно оценкам, Россия разместила в Чечне войска численностью 100 тысяч человек против президента Масхадова, у которого было от 20 до 30 тысяч опытных партизан, вооруженных легким оружием⁷.

В последнее время, особенно на Западе, все громче звучит требование свести к минимуму потери среди военнослужащих; в противном случае конкретная военная кампания может лишиться поддержки общественности. В самом деле, сегодня фактически подразумевается, что потери должны быть малыми или вовсе отсутствовать, особенно если боевые дей-

7 «The Independent», 4 November 1999.

ствия не представляют прямой угрозы для страны. Британская оператив-но-тактическая группа во время кампании по возвращению Фолклендских островов в 1982 г. потеряла из 9500 человек личного состава 256 убитыми и 777 человек были ранены непосредственно при выполнении боевых действий⁸. Британская общественность примирилась с этим, вероятно считая, что на карту были поставлены интересы Великобритании. Однако если бы речь шла о войне в Персидском заливе 1991 г. или о конфликте в Косово в 1999 г., вряд ли к подобным потерям отнеслись бы столь же терпимо, поскольку эти конфликты не затрагивали британцев непосредственно. В реальности потери в этих конфликтах были невысоки. В ходе боевых действий в Персидском заливе погибли 17 военнослужащих⁹, а в конфликте в Косово потерь пока не было¹⁰.

Подобные тенденции привели к неуклонному росту доли потерь среди гражданского населения по отношению к военнослужащим, хотя дипломаты и юристы-международники всячески настаивают на соблюдении принципа неприкосновенности гражданского населения¹¹. Общественность получает все больше информации об этих потерях среди гражданского населения начиная примерно со времени вьетнамской войны. Сообщения средств массовой информации, которые часто передаются с места событий той или иной компанией, оказывают мгновенное и весьма непосредственное воздействие на общественность. Это так называемый «фактор Си-Эн-Эн». Общество бывает потрясено видом убитых или искалеченных на войне женщин и детей и не склонно относиться к подобным потерям снисходительно, особенно если национальные интересы, по его представлениям, не поставлены на карту. Такое положение

8 *Op. cit.* (примечание 6), p. 80.

9 *Ibid.* Как сообщается в работе *Erik Durschmied. The Hinge Factor*. Hodder & Stoughton, 1999, военные потери Ирака составили более 100 тыс. человек, тогда как силы коалиции потеряли в целом 192 человека убитыми, 35 из которых погибли под «своим огнем», а двое — разбирая бомбу. Военные считают такой коэффициент «нулевым фактором».

10 «НАТО одержала победу в конфликте в Косово, не понеся в ходе боевых действий ни одной человеческой потери (...), она потеряла лишь два самолета», *Nick Cook. War of Extremes*. — *Jane's Defence Weekly*, 7 July 1999. Два гуркхских инженера, лейтенант Гэрет Эванс и сержант Бэлэрэм Рэй, погибли в ходе операции при обращении с неразорвавшимся боеприпасом.

11 По данным Швейцарского федерального бюро по защите гражданского населения, соотношение потерь среди военнослужащих и гражданского населения во время Первой мировой войны было 200:1, во Второй мировой войне — приблизительно 1:1, а во время вьетнамской войны — 1:20. См.: *M. Sassoli. A. Bouvier. How Does Law Protect in War?* Geneva, ICRC, 1999, p. 145.

дел может усугубляться тем, что общественность возлагает неоправданно большие надежды на точность «умного» оружия. Когда в ходе воздушной операции НАТО в Косово были допущены ошибки, недовольство в обществе нарастало почти ощутимо. Это могло бы привести к требованиям отменить бомбардировки.

Требования к методам и средствам ведения войны

Итак, военный и политический императив состоит в том, чтобы, насколько это возможно, предотвратить потери в своих войсках, точно поражать военные цели и свести к абсолютному минимуму случайные смерти, увечья или повреждения¹². Отмечалось, что:

«Следующее ключевое требование [для военной авиации в новую эпоху] — повысить способность быть вне досягаемости средств поражения у тех видов оружия, которые могут наносить точечные удары, чтобы достичь максимального стратегического эффекта при минимальном побочном ущербе и минимальном риске для носителей оружия и пусковых установок»¹³.

«Умное оружие» — универсальная панацея?

Во время войны 1991 г. в Персидском заливе самолеты типа «Торнадо» ВВС Великобритании вначале использовались для вертикального сбрасывания бомб JP233 на иракские летные поля с малой высоты. Нападения с малой высоты предназначались для поражения радиоло-

12 «Хотя подобные ошибки были неизбежны, утверждают обозреватели, широко распространенная уверенность общественности в начале кампании в способности современных систем наблюдения и «умных» видов оружия уменьшить побочный ущерб способствовала усилению отрицательной реакции на бомбардировки, когда потери среди гражданского населения действительно произошли, и привела к тому, что от политиков стали настойчиво требовать прекращения воздушных налетов... Если политики действительно стремятся к тому, чтобы во время осуществления будущих воздушных операций уровень потерь среди личного состава вверенных им вооруженных сил был минимальным или даже нулевым, то необходимо будет вводить ряд новых вооружений, включая непилотируемые боевые летательные аппараты, как только это станет технологически возможным. В качестве альтернативы военные могут ориентировать гражданское общество — политиков, журналистов и широкую публику — на реалистическое восприятие потерь при одновременном увеличении средств, выделяемых на оснащение и тактическую подготовку пилотируемой поддержки с воздуха, осуществляемой с близкого расстояния, и на операции по изоляции района боевых действий, проводимых как на малой, так и на большой высоте» (*Cook, op. cit.* (примечание 10)).

13 *Johns, op. cit.* (примечание 3), p. 96.

кационных станций противника и увеличения эффекта внезапности. Однако за семь дней британские ВВС потеряли пять самолетов, после чего самолеты переключились на сброс 500-килограммовых железных бомб с высоты около 6 км, что делало их недосягаемыми для зенитных орудий, но снижало точность бомбардировок¹⁴. В ответ на требование применять «умные» технологии ВВС Великобритании использовали самолеты типа «Буканьер», оснащенные лазерными целеуказателями, позволяющими очень точно поражать цели, наряду с самолетами типа «Торнадо», оснащенными оружием с лазерными системами наведения, позволяющими свести к минимуму побочный ущерб. Были задействованы подвесные контейнеры с тепловизором и лазерным целеуказателем (TIALD). Благодаря этим нововведениям точность попадания стала на порядок выше¹⁵.

Некоторые полагают, что оружие, применяемое вне досягаемости средств поражения противника, полностью обезчеловечивает ведение войны, сводя ее к хладнокровным и безжалостным действиям, проводимым с бесстрашной точностью. Чем больше расстояние между атакующим и целью, тем слабее он ощущает человеческие потери, вызванные нанесенным им поражением, поскольку не видит его последствий. Иногда говорят, что это приводит к дегуманизации войны. Можно считать, что, поскольку военнослужащие, осуществляющие пуск оружия, применяемого вне досягаемости средств поражения противника, целясь в неодушевленные объекты, например аэродромы или мосты, не знают о разрушениях и бедах, которые происходят от этого на земле, они не столь остро осознают проблему побочного ущерба¹⁶. В случае с «умными» технологиями так бывает не всегда. В системе лазерного целеуказания самолетов типа «Буканьер» имелась встроенная видеокамера, которая фиксировала то, что появлялось на экране навигационного прибора, когда штурман наводил лазерный целеуказатель на цель. Так что экипажи и наземный персонал могли в точности рассмотреть все, что происходило¹⁷.

Из репортажей средств массовой информации о воздушных бомбардировках во время войны в Персидском заливе и в Косово складывалось впечатление, что там применялось в основном «умное» оружие, которое действовало с непогрешимой точностью. Разумеется, это далеко

14 Charles Allen (ed.). *Thunder and Lightning*. HMSO, 1991, pp. 74, 80.

15 Ibid., p. 81/2.

16 Ibid., p. 137: «Как правило, экипаж самолета отделяла утешительная дистанция от тех разрушений, которые производили запущенные им бомбы или ракеты».

17 Ibid., pp. 113–114: «Это все поставило на свои места (...): мы ведь убивали людей».

не так. «Умное» оружие может делать достаточно точную наводку, но это только один из многих факторов, обуславливающих точность поражения. На результаты нападения могут оказывать воздействие последствия мер противовоздушной обороны, изменяющие траекторию ракет; напряженные ситуации, возникающие у экипажа во время пуска оружия, например необходимость избежать столкновения с зенитными управляемыми ракетами; качество разведанных об отличительных характеристиках указанной цели¹⁸; технические сложности при опознании и поражении наземных целей с воздуха; возможные сбои в работе систем наведения; ограничения в технологиях опознавания целей¹⁹; и просто свойство человека ошибаться. На работе систем наведения и разведки обычно сказывается воздействие облачного покрова, дождя и дыма²⁰. Кроме того, даже если удар по цели и будет нанесен точно, это не является гарантией того, что побочный ущерб не будет нанесен²¹.

«Умное» оружие, ввиду его стоимости²², стараются использовать экономно. Во время войны в Персидском заливе высокоточная техника составляла лишь около 9% от общего тоннажа оружия, доставляемого

18 По свидетельству командира авиационного крыла Грера Бегуэлла (*Greg Bagwell*, Precision Weapons. — Royal Air Force Air Power Review, Spring 1999, p. 7), бункер Аль Фирдос в Багдаде определили как центр связи, однако разведке союзных сил не было известно, что он также использовался в качестве бомбоубежища для гражданских лиц. Удар по китайскому посольству в Белграде 7 мая 1999 г. был нанесен по ошибке, поскольку при планировании использовались неверные разведданные, которые прошли незамеченными при последующих проверках. См. сообщение в газете «The Independent» от 11 мая 1999 г.

19 Там, где тепловые, акустические и радиолокационные «проекции» военной техники противника программируются в памяти оружия. *Op. cit.* (примечание 18), p. 7.

20 Не считая нового боеприпаса общего прямого поражения производства США («JDAM»), который можно запускать с высоты выше уровня облачного покрова. См.: Joint Statement on the Kosovo After Action Review, Department of Defense, 14 October 1999.

21 *Op. cit.* (примечание 14), p. 81: «...в действительности нельзя вести войну с хирургической точностью. Такой просто не бывает. Если бомба падает в шахту лифта, это просто везение. Возможно, ее CEP (computer error probability — вероятность ошибки, установленная с помощью компьютерных расчетов) равняется приблизительно 9–12 м. Именно это расстояние и составит разницу между ударом по вашей цели и по соседнему с ней месту, где полно мирных жителей». Кстати, другие авторы определяют CEP как «circular error probable» — круговое/радиальное вероятное отклонение, то есть в радиусе круга с центром в цели, в границах которого приземлится 50% всех сброшенных бомб. *Bagwell, op. cit.* (примечание 18), p. 14. На с. 8 Бегуэлл также отмечает, что «взрывная сила 250-килограммовой боеголовки не может действовать с хирургической точностью».

22 *Ibid.*, на с. 13 простоя бомба с глобальной системой навигации и определения местоположения оценивается в 9 тыс. долларов США, а ракета Томагавк Блок III — в 500 тыс. долларов США.

по воздуху; она применялась в основном при поражении целей стратегического или оперативного значения²³.

Может показаться, что идеальным решением проблемы точного поражения является автономное оружие²⁴, такое как крылатые ракеты. Однако подобные виды оружия, как правило, не дают изображения нападения, и, кроме того, у них имеется серьезный недостаток: они не могут приспосабливаться к сиюминутным изменениям обстоятельств. Это чревато колоссальными проблемами даже при поражении неподвижных объектов, например, когда колонна беженцев из числа гражданских лиц переходит мост как раз в момент нанесения удара посредством автономного оружия. Такой ситуации можно избежать, если продвижение оружия к цели прослеживается человеческим зрением. Что касается движущихся целей, таких как наземные войска противника, то здесь эффективно применять автономное оружие непросто. Предыдущие системы, такие как «Пейвуэй», в подобных ситуациях действуют более гибко²⁵.

Похоже, что «умное» оружие пока еще не решает проблему случайного ущерба, да и в целом оно не столь хорошо, как в этом убеждают общественность. Конечно, точность попадания этого оружия выше, чем у неуправляемых авиабомб, но есть множество других факторов, обуславливающих возможный случайный ущерб, и не последний из них — это «радиальное вероятное отклонение», означающее, что риск, хотя и значительно уменьшается, все же не может быть сведен на нет, особенно в населенных районах. Применение автономного оружия в определенной степени привносит элемент жесткой заданности, следовательно, в обозримом будущем участие человека в доставке оружия до цели во многих случаях будет оставаться необходимым.

Инцидент, происшедший 14 апреля 1999 г.

Во время конфликта в Косово в 1999 г. пилоты сводили риск для себя к минимуму, осуществляя нападение с высоты 4500 м, где они были вне досягаемости большинства зенитных ракет ручного управления

23 Greg Bagwell. Precision Weapons. — Royal Air Force Air Power Review, Spring 1999, p. 3.

24 Bagwell, *op. cit.* (примечание 18), на с. 14, определяет таким образом оружие, которое на последней стадии полета не требует, чтобы им управлял человек.

25 На брифинге НАТО для журналистов 18 апреля 1999 г. было рассказано, как пилот начал нападение на радиолокатор, но, заметив, что он находится недалеко от церкви, сбросил бомбу мимо цели, так что она разорвалась в лесу, не причинив никому вреда.

и зенитной артиллерии²⁶, до тех пор, пока силы югославской противовоздушной обороны не оказались настолько подорваны, что они могли без всякого риска летать и на более низких высотах²⁷.

14 апреля 1999 г. пилоты НАТО, пролетая на высоте 4500 м, очевидно, в поисках выгодных неплановых целей в Косово, совершили нападение, как они подумали, на головную машину конвоя военного транспорта. На следующий день появились многочисленные сообщения в средствах массовой информации о нападении на колонну беженцев вблизи Дьяковицы. В программе «Би-Би-Си Уорлд»²⁸ были показаны сцены кровавой бойни близ деревни Мея. По сообщениям сербских источников, было убито 64 человека — гражданских лиц, в том числе трое сербских полицейских, сопровождавших колонну. Сербский информационный центр в Приштине сообщил, что был нанесен удар и по другой, менее многочисленной, колонне на дороге из Призрена в Дьяковицу, в результате которого было убито 6 человек и ранено 11. На ежедневном брифинге для журналистов 15 апреля представитель НАТО Джейми Ши выразил глубокое сожаление по поводу того, что накануне в результате нападения на колонну, двигавшуюся из Призрена в Дьяковицу, погибли гражданские лица²⁹.

В последующие дни в связи с этим инцидентом возникла некоторая путаница. Оставшиеся в живых говорили о нападении самолета МиГ, летящего на небольшой высоте, а репортеры сообщали о пулеметном или пушечном огне. Роберт Фиск, один из наиболее непримиримых критиков НАТО, посетил три пункта на пути из Призрена в Дьяковицу, по которым, как сообщалось, были нанесены бомбовые удары: Велика Круша, Градиш и Терезивки³⁰, где собрал части боеприпасов и записал серийные номера. В Градише, сказал он, были свидетельства поражения с бреющего полета, похожего на удары А10 во время войны в Персидском заливе, а также бомбардировок³¹. На брифингах НАТО журналисты пытались установить точно, о каком нападении вел речь Джейми Ши, поскольку в данной местности было как минимум два нападения на колонну. Была показана виде-

26 *Bagwell, op. cit.* (примечание 10).

27 *Lord Robertson. Kosovo: An Account of the Crisis.* London, Ministry of Defence, 1999, p. 13.

28 17 апреля 1999 г. в 18.00 по британскому летнему времени.

29 Брифинг НАТО для журналистов 15 апреля 1999 г.

30 Или, вероятно, Терзик Мост Зрзе.

31 «The Independent», 17 April 1999.

озапись нападения на колонну из трех машин возле Дьяковицы, однако затем заявили, что она не имеет отношения к колонне беженцев.

Генерал Марани отвечал на вопросы журналистов о нападениях с высоты 4500 метров. Он сказал, что опознавание цели в этих условиях более сложное и осуществляется с учетом разнообразной информации: не только того, что пилот мог видеть, но и иной информации, полученной перед вылетом, а также перед достижением местности, — поступает к пилоту с других самолетов, с других систем оружия, необязательно находящихся на борту его самолета. Иными словами, сказал генерал, это в большой мере является результатом коллективных усилий, а не действием одного пилота, осуществляемым по собственной инициативе.

Полное объяснение дал 19 апреля бригадный генерал Дэн Лиф³². Он описал два инцидента, происшедшие 14 апреля, в обоих случаях применялись 250-килограммовые бомбы с лазерной системой наведения. Первый произошел к северо-западу от Дьяковицы и состоял в нападении в 11:10 по Гринвичу на машину, экипаж которой считался ответственным за поджог домов. Затем в 11:48 произошло нападение на группу машин, стоявших во дворе. Это вызвало вторичный взрыв в результате возгорания запасов бензина. Второй инцидент произошел с большой колонной, состоящей из более 100 машин, на крупной магистрали, проходившей к юго-востоку от Дьяковицы. Первые 20 машин были одинакового цвета и одинаковой формы и шли они на установленном расстоянии друг от друга с установленной скоростью, что характерно для передвижения военного транспорта. Вероятность нахождения в колонне лиц, перемещаемых внутри страны, обсуждалась, однако разведданные указывали на то, что это военный конвой. В 12:19 по Гринвичу началось нападение на передние машины колонны с самолетов F-16 и «Ягуар». Не все нападения были успешными. Они встретили огонь противовоздушной обороны. В головы стратегов закрались сомнения, поскольку сербские войска обычно не передвигались такими большими колоннами, так что для проверки были отправлены самолеты A-10, более медленные и устойчивые, чем F-16, а дальнейшие атаки были остановлены в 13:00 по Гринвичу. В результате сообщений о том, что колонна состоит как из военных, так и гражданских транспортных средств, все нападения были отменены и самолеты отозваны в 13:20 по Гринвичу.

³² Его объяснение можно найти в Интернет по адресу: www.fas.org/man/dod/docs99/s990419b.htm.

Каковы правовые требования?

Государства — участники Женевского протокола I от 1977 г.³³ обязаны, до совершения нападения, сделать «все практически возможное, чтобы удостовериться в том, что объекты нападения являются ... военными объектами»³⁴. Практически возможные меры предосторожности можно определить как «реальные или реально осуществимые, с учетом всех существующих в данный момент обстоятельств, включая гуманитарные и военные соображения»³⁵.

Исходя из гуманитарных соображений, пилоту следовало бы приблизиться к цели, чтобы правильно ее опознать; исходя же из военных соображений, пилот должен лететь на безопасной высоте, чтобы уменьшить риск попадания под зенитный обстрел. Это противоречие не просто разрешить.

Здесь также имеет значение правило сомнения. В случае, если есть сомнения в том, является ли лицо гражданским и служит ли объект гражданским целям, Протокол предписывает делать презумпцию в пользу гражданского статуса³⁶.

Государствам, не являющимся участниками этого Протокола, обычное право тем не менее предписывает, чтобы их войска нападали только на военные объекты, что означает необходимость отличать их от гражданских. Четких границ соблюдения необходимых мер предосторожности не существует. Разумеется, они не простираются дальше, чем требование «делать все практически возможное», налагаемое Протоколом I. В качестве минимального требования обычное право обязывает тех, кто руководит нападением, не нападать на лица или объекты, которые, как они знают или полагают, являются гражданскими.

33 Во время конфликта в Косово, например, США и Франция не были участниками Протокола I, а Германия и Великобритания были.

34 Дополнительный протокол I, статья 57, пункт 2а I.

35 Великобритания при ратификации Протокола I сделала по этому поводу заявление о понимании. См.: Международный журнал Красного Креста, № 20, март 1998 г., с. 228 и следующие. В статье 3, пункт 10, Протокола о минах с поправками от 1 мая 1996 г. к Конвенции об обычном оружии 1980 г. содержатся сходные формулировки.

36 Протокол I, статьи 50, пункт 1, и 52, пункт 3. В отношении статьи 50, пункт 1, Великобритания при ратификации Протокола сделала заявление о понимании, что это положение применяется «только в случаях, когда серьезные сомнения остаются уже после того, как сделана оценка... и не в ущерб обязанности командира защищать безопасность вверенных ему войск или сохранять свои боевые позиции, согласно другим положениям Протокола». Ibid.

Обязанности во время нападения³⁷

Независимо от того, является ли государство участником Протокола или нет, его вооруженные силы обязаны уважать обычную норму о соразмерности, которая представляет собой попытку достичь равновесия между военными и гуманитарными соображениями. Следуя этому правилу, командир, принимающий решения, должен учитывать различные факторы, когда он определяет, какое оружие или тактику использовать, притом, что его цель — нейтрализовать военный объект с возможно минимальным случайным ущербом или потерями. Этими факторами являются:

- а) степень важности цели и чрезвычайности ситуации;
- б) разведанные о поставленной цели, то есть для чего и когда она используется или будет использоваться;
- в) какие виды оружия имеются в распоряжении, их дальность, точность и радиус действия;
- г) условия, влияющие на точность прицеливания, такие как характер местности, погодные условия, время суток;
- д) факторы, обуславливающие случайные потери или ущерб, такие как нахождение гражданских лиц или объектов неподалеку от цели или других пользующихся покровительством объектов или зоны, их заселенность, или возможность освобождения опасных веществ в результате нападения;
- е) риск, которому подвергается его личный состав в результате различных доступных ему вариантов нападения³⁸.

«Умное» оружие, при условии его доступности, увеличило возможности нападающего. С правовой точки зрения, ему необходимо не только оценить, какие меры предосторожности могут быть реально приняты, чтобы свести случайные потери к минимуму, но и сравнить различные виды тактических приемов или оружия, чтобы выбрать вариант операции, позволяющий достичь военного преимущества и при этом наносящий минимальный ущерб.

³⁷ Эта часть является адаптированным отрывком из авторского текста книги «Model Manual on the Law of Armed Conflict». Geneva, ICRC, 1999.

³⁸ Великобритания при ратификации Протокола I заявила, что «военное начальство и другие лица, ответственные за планирование нападений, принятие решений относительно нападений и их осуществление, непременно должны принимать решения на основе своей оценки информации, поступающей из всех источников, реально доступной им на данный момент». *Loc. cit.* (примечание 35).

Применение принципа соразмерности легче провозгласить, чем осуществить на практике, так как выбор метода нападения, при котором сократится случайный ущерб, может привести к увеличению риска для нападающих войск. Правовыми нормами четко не определяется, какие меры предосторожности должны быть приняты нападающим и к какой степени риска он должен быть готов³⁹.

Как писал автор: «Соображения военной необходимости не могут всегда преобладать над соображениями гуманности. Принимая меры по защите гражданских лиц, солдаты должны брать на себя определенный риск. Правило [соразмерности] не дает четкого определения того, в какой степени солдат должен принимать меры предосторожности и в какой степени он должен рисковать собой. Все зависит от цели, от безотлагательности момента, от имеющихся в наличии технологий и т. д.»⁴⁰.

Этот подход нашел отражение в британской доктрине обороны:

«Выбор цели. Ключевой вопрос для командиров и лиц, ответственных за планирование, — определить, что является законной целью и как ее можно атаковать. Этот вопрос тесно связан с принципами различения целей и соразмерности. Нападения должны быть ограничены комбатантами и другими военными объектами. Нельзя намеренно выбирать целью гражданское население и гражданские объекты; подрывать моральное состояние гражданского населения противной стороны незаконно, а нападения, совершаемые с целью терроризировать гражданское население, недвусмысленно запрещены. Не следует выбирать целью даже военные объекты, если нападение может привести к потерям (побочным) или нанести ущерб гражданскому населению, которые будут избыточными в сравнении с предполагаемым прямым военным преимуществом. Нормы права гласят, что военное значение цели необходимо рассматривать в соотношении с существующими в данный момент обстоятельствами. Поэтому командиру необходимо располагать соответствующей последним данным оценкой важности цели и значе-

³⁹ Bagwell, *op. cit.* (примечание 18), полагает, что это должно быть отражено в правилах боя: «...некоторые цели требуют такой гарантированной точности, что самолет или платформа могут подвергаться большему риску со стороны обороны противника. В таком случае ППС должны определять необходимые критерии исключительно четко, чтобы экипажи, которые фактически выступают в качестве и судьи, и присяжного, смогли принять правильное решение».

⁴⁰ A. P. V. Rogers. *Conduct of Combat and Risks Run by the Civilian Population.* — *Military Law & Law of War Review*, 1982, p. 310.

ния нападения на нее. Если есть возможность выбирать виды оружия или методы нападения, командир должен остановиться на тех, которые вероятнее всего позволят избежать случайных потерь или ущерба для гражданского населения или, по крайней мере, свести их к минимуму. При этом командир вправе учитывать такие факторы, как имеющиеся в его распоряжении арсеналы различных видов оружия и возможные будущие потребности, своевременность нападения и риск для находящихся под его командованием сил. Однако могут быть случаи, когда командиру придется смириться с большей степенью риска для своего личного состава, чтобы избежать нанесения побочного ущерба гражданскому населению противника или свести его к минимуму»⁴¹.

Обязанности при обороне

Обязанность защищать гражданских лиц от последствий вооруженного конфликта распространяется не только на атакующих. Это общая обязанность, которая возлагается как на войска, так и на гражданские власти, и на политическое руководство. От государств — участников Протокола I в связи с этим, в частности, требуется по возможности эвакуировать гражданских лиц из районов, где есть военные цели, избегать размещения военных целей внутри или неподалеку от густо населенных местностей, а также применять меры по предоставлению убежищ гражданским лицам⁴². К сожалению, имеются основания предполагать, что некоторые государства не просто не выполняют эти требования международного права, но намеренно размещают военные средства вблизи гражданских объектов, либо размещают гражданских лиц в местах дислокации военных формирований с целью защитить военные цели от нападения или даже в надежде спровоцировать осуждение противника международным сообществом в случае гибели гражданских лиц или разрушения гражданских объектов. Те, кто совершает нападение в подобных обстоятельствах, не освобождаются от обязательства нападать только на военные цели и сводить к минимуму случайный ущерб, однако, принимая во внимание правило соразмерности, всякий трибунал, рассматривающий этот вопрос, обязан был бы толковать любые подобные незаконные действия обороны в пользу нападающих⁴³.

41 British Defence Doctrine (JWP 0-01) — Военная доктрина обороны Великобритании, опубликованная министром обороны Великобритании в 1996 г.

42 См.: Дополнительный протокол I, статья 58.

43 См.: A. P. V. Rogers. *Law on the Battlefield*. Manchester University Press, 1996, p. 79.

Применение правовых норм на практике

Создается впечатление, по крайней мере в некоторых случаях нападения с воздуха на наземные цели, что вопросу о риске для нападающего на практике не придается особо серьезного значения.

Если цель существенно важна, высшее руководство может быть готово согласиться на большой риск для экипажа самолета, с тем чтобы обеспечить верное опознавание и точное поражение цели. Войны без риска не бывает. Можно пойти на риск, скажем, для спасения сбитых пилотов, или при дислокации сил для проведения разведки, или операций по идентификации целей на занятой противником территории.

Однако, если, по оценкам, цель не оправдывает такого риска и для защиты пилотов установлена минимальная высота проведения операции, выполняющий ее экипаж самолета должен будет сделать собственную оценку риска, связанного с опознаванием заданной цели и нападением на нее. Если, по их оценке: а) риск приближения к цели для ее верного опознавания слишком высок, б) существует реальная угроза случайной гибели или ранений для гражданского населения или причинения ущерба гражданским объектам из-за недостаточно точного опознавания цели, и в) они или союзные силы не подвергаются непосредственной опасности в случае, если нападение не будет совершено, то им не нужно подвергать себя риску, чтобы проверить характер цели.

Можно включить в Порядок ведения боевых действий уточняющий тест, например: «Вы уверены, что цель является военным объектом? Есть ли у вас по этому поводу какие-либо сомнения? Подумайте, подвергнетесь ли вы или ваши союзники какой-либо опасности, если нападение не состоится? Если нет, то нападать НЕ следует».

Личная ответственность

Разумеется, бывают случаи, когда воюющие не в состоянии провести хладнокровный анализ, наподобие того как это делают присяжные в уголовном суде. В пылу сражения в какой-то момент они могут разрядить свое оружие, даже не будучи уверенными, что целятся в военный объект, и даже не будучи в опасности. Любой трибунал, впоследствии рассматривающий это дело, интересовало бы в данном случае соблюдение принципа соразмерности. Он произвел бы сравнение важности цели и вероятного случайного ущерба. В то же время риск для атакующей

стороны является важным фактором, который должен учитываться при применении принципа соразмерности. При рассмотрении дела судьям трибунала следовало бы поставить себя на место подсудимого военно-служащего, принять во внимание все сопутствующие обстоятельства, то есть прожить это событие так, как он его прожил, а уже потом выносить суждение о его виновности.

Реальная боевая обстановка является фактором, признанным в Статуте Международного уголовного суда. В силу этого причинение случайных потерь или ущерба рассматривается в Статуте как правонарушение, только если нападение совершено умышленно, если известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц или ущерба гражданским объектам, которые будут явно несоизмеримы с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством⁴⁴. Применение слова «явно» является гарантией того, что Суд будет заниматься только теми случаями, когда избыточность побочного ущерба очевидна, в отличие от случаев, когда командир в оперативной обстановке принимает ошибочное решение⁴⁵.

Военнослужащему, который в различных обстоятельствах делает все от него зависящее на своем уровне ответственности, чтобы соблюдать право вооруженного конфликта, нечего бояться в случае последующего расследования, даже если он в стрессовой ситуации совершил ошибку.

Заключение

Право не требует, чтобы в ходе вооруженного конфликта не было потерь. Тем не менее право, политическая целесообразность и общественное сознание, вместе взятые, требуют, чтобы потери, будь то среди военнослужащих или среди гражданского населения, были сведены к минимуму настолько, насколько это позволяют условия вооруженного конфликта. Важным фактором решения этой задачи является проверка цели, поскольку нападение не на ту цель может привести к ненужным потерям. Уточнение характера цели требует соблюдения разумных мер предосторожности. В какой конкретно степени следует эти меры соблюдать, зависит от обстоятельств, особенно от времени, которое имеется

44 Римский статут Международного уголовного суда, статья 8, пункт 2b (IV).

45 Roy S. Lee (ed.). *The International Criminal Court*. Kluwer Law International, 1999, p. 111.

для принятия решения. Если есть сомнения по поводу характера цели, нападение совершать не следует, за исключением случаев, когда отказ от совершения нападения может подвергнуть силы нападающих непосредственной угрозе.